

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

3. Толстанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века/М.В. Толстанова. – М.: Наследие, 2000. – 396 с.
4. Висоцька, Н.О. Едність Множинного: Американська література кінця XX – початку ХХ століть у контексті культурного плюралізму/Н.О. Висоцька. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2010. – 456 с.
5. Rowe, J. C., Post-Nationalism, Globalism, and the New American Studies/J. C. Rowe//Post-Nationalist American Studies. – Berkeley, Los Angeles, London : Univ. of California Press, 2000. – P. 23–37.
6. Ильинова, Е.Ю. Смысловая гибридизация как прием концептуализации вымысла в тексте фэнтези/Е.Ю. Ильинова//Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Е.А. Пименова: сб. науч. статей/отв. ред. М.В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 153–160.
7. Hassan, I. Pluralism in Postmodern Perspective /I. Hassan//The Postmodern Turn. Essays on Postmodern Theory and Culture. – Ohio: Ohio State University Press, 1987. – P. 167–190.
8. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма/Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
9. Чарота, И.А. Введение/И.А. Чарота//Д. Галич Барр. Дом разбитых зеркал. – Минск: Белпринт, 2011. – С. 3.
10. Трубина Е.Г. Идентичность персональная/Е.Г. Трубина//Современный философский словарь/ред. В.Е. Кемеров. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 254–261.
11. Wong, S-L. C. Immigrant autobiography/S-L. C. Wong//merican Autobiography: Retrospect and Prospect /ed. P.J. Eakin. – Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1991. – P. 142–170.
12. Barr, D. Galic Angels Without Faces/D. Galic Barr. – Belgrade: Serbian Writers Association Literary Magazine, 2005. – 342 p.
13. Барр, Д. Г. Колокола и ветер/Д. Галич Барр. – М.: Вахазар; Этерна, 2009. – 304 с.
14. Емелин, В.А. Тхостов, А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения/В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов//Вопросы философии. – № 2, 2015. – С. 3–13.
15. Holmgren, B. Those Unsettling Slavs, or Theres No Place Like Home/B.Holmgren//Changing Representations of Minorities, East and West, No.11: Selected Essays, Honolulu, Hawaii: Univ. of Hawaii, 1996. – P. 98–110.
16. Толкачев, С.П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе/С.П. Толкачев//Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. – № 2, 2013. – С. 177–182.
17. Бахтин, М.М. Из предыстории романного слова/М.М. Бахтин. – Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 408–446.

Д.Т. Солодкий

ПРОБЛЕМЫ «ОТЦОВСТВА», ПОДНИМАЕМЫЕ В.ГЮГО В СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В настоящее время современное общество заинтересовано в повышении устойчивости своих членов к негативному моральному влиянию со стороны, поэтому на первый план «выходят» проблемы отцовства и материнства. Неоспоримо, что для каждого слоя общества, для каждой социальной или возрастной группы необходимо найти свой подход для того, чтобы вопросы были услышаны, поняты, и на основе их обсуждения были выработаны определенные мероприятия, реализация которых позволит укрепить понятие «ценности семьи». Существует один вид искусства, который позволяет найти индивидуальный подход к человеку вне зависимости от его принадлежности к той или иной группе людей – это литература. Именно литература позволяет подобрать ключи к сознанию читателя, его сердцу и душе. Конечно при условии, что у человека есть желание разобраться и правильно понять то, что хотел сказать автор своим произведением.

В каждом произведении великих мастеров, как правило, поднимается несколько злободневных проблем, задается множество актуальных вопросов, на некоторые из них даются ответы самим автором, а на другие читателю предоставляется возможность ответить самостоятельно. Иногда несколько сюжетных линий «проводятся» автором от начала до конца литературного произведения. Для того, чтобы разобраться с основными идеями, которые автор хотел донести до читателя, чтобы изменить его взгляд на определенные вопросы, необходимо выделить и «связать» между собой образы героев произведения и события, которые с ними происходят. И после того, как читатель «увидел» на общем фоне литературного произведения четкую «картину» поднимаемой автором проблемы, можно говорить о том, что в его сознании уже «сложилось» достаточно ясное, осознаваемое понимание сути вопроса, которое может стать основой для изменения отношения взрослого человека или формирования этого отношения у подрастающего поколения к данной проблеме. Одной из таких проблем является проблема «отцовства». Не умаляя заслуг современных отечественных и зарубежных авторов в области раскрытия в своих произведе-

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

дениях вопросов материнства и отцовства, на современном этапе развития общество должно обратить свой взор на произведения классической литературы.

Современниками жизни и творчества Виктора Гюго были такие выдающиеся писатели как Аврора Дюдеван, больше известная как Жорж Санд, Джорж Байрон и многие другие. Однако, на наш взгляд, именно в произведениях В.Гюго можно найти ответ на вопрос, что значит быть отцом. В качестве объекта данного исследования были выбраны такие произведения В. Гюго, как «Человек, который смеется», «Отверженные» и «Собор Парижской Богоматери», а предметом – образ «отца», раскрываемый в этих работах.

Произведения В. Гюго отличаются от работ других авторов тем, что в них главный упор делается на обращение внимания читателя на то, что настоящий «отец» не всегда является биологическим отцом ребенка. «Красной нитью» через все вышеуказанные произведения проходит мысль, что «отцом» ребенку может стать совершенной чужой человек, с которым его свела судьба, обладающий определенными человеческими качествами.

В романе «Человек, который смеется» образ «отца» представлен одним из главных героев – Урсусом. По сюжету Урсус был «фигляр», «грамотеем», «любителем прекрасного», не имея ни семьи, ни детей, он странствовал по стране. Но все изменилось, когда в его жизни появились два чужих ребенка: Гуинплен и Дея. В произведении очень детально описан момент первой встречи Урсуса и Гуинплена. Талант В. Гюго позволяет нам, несмотря на произносимые Урсусом слова, почувствовать реальное внутреннее отношение этого героя к ребенку, который стал жертвой компрачиков.

Автор заблаговременно знакомит читателя с «трудовой деятельностью» компрачиков. «Компрачиконы вели торговлю детьми. Они покупали и продавали детей» [1, с. 28]. Основной их целью было «сделать из человека хорошую игрушку» [1, с. 28]. В. Гюго усиливает в читателе чувство отвращения к компрачикам следующей блестящей фразой: «Ребенок, предназначенный служить игрушкой для взрослых, – такое явление не раз имело место в истории. (Оно имеет место и в наши дни)» [1, с. 28].

Именно такой ребенок «растопил» сердце Урсуса и заставил «проснуться» в нем первые отцовские чувства. В. Гюго удачно «рисует картину» внутренней борьбы, проходившей в Урсусе в этот момент. Он должен был принять решение о том, что делать с этими двумя сиротами, которые по воле рока оказались на его жизненном пути. Оставить их означало не только взвалить на себя груз ответственности по их питанию и воспитанию, но и подвергнуть себя определенной опасности. Во время, описываемое в романе, проходила повсеместная борьба с компрачиками. В этой справедливой борьбе объединились представители всех слоев общества, желание людей очистить свою страну от этой заразы, торгующей детьми, было безоговорочно поддержано властью, о чем свидетельствовали не только принятие соответствующих законов, но и их выполнение должностными лицами. Наличие рядом с ним двух чужих детей могло навлечь на Урсуса определенные гонения со стороны общества. В. Гюго завершил этот эпизод на «высокой ноте» и дети обрели кров над головой.

Дальнейшее развитие сюжетной линии позволяет читателю «увидеть», что Урсус стал настоящим отцом этих двух сирот. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, используя образ Урсуса в романе «Человек, который смеется», В. Гюго удалось показать думающему читателю каким должен быть настоящий отец.

В произведении «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго также поднимает проблему «отцовства». Как мы знаем из сюжета романа, священник Клод Фролло стал покровителем, а в дальнейшем духовным «наставником» чужого ребенка. В итоге священник стал архидьяконом, а ребенок – звонарем при Соборе. И вновь, теперь уже в образе Клода Фролло перед нами встает заботливый, отзывчивый человек, который взял на себя ответственность за судьбу совершенно чужого ему ребенка.

Одним из самых выдающихся произведений В. Гюго является роман «Отверженные». Наверное, ни одно из произведений В. Гюго не оставляет прочитавшего его равнодушным, но «Отверженные» – это действительно «настоящая книга», по которой учились многие зарубежные и отечественные писатели. При оценке «Отверженных» такие великие отечественные писатели, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский отмечали его как один из самых лучших романов, написанных французскими авторами.

В таком значимом произведении В. Гюго не мог обойти своим вниманием тему «отцовства». Не сразу, после того, как автор познакомил читателя с действующими лицами, происходит «объединение» двух персонажей: Жана Вальжана и Козетты. И вновь читатель «видит» заботу настоящего, заботливого «отца» о чужом ребенке-сироте. В этом литературном произведении в роли «отца» представлен человек, который умудрен жизненным опытом, знает не понаслышке все превратности судьбы. Рок и поднимал его наверх, и опускал на самое дно общества. Однако этот человек сохранил в себе человеческие качества, которые стали стержнем, основной его сущности, и помогли вырастить и воспитать чужого ребенка. Следует обратить внимание, что в каждом вышеуказанном произведении автор, используя различные литературные приемы, обращает внимание читателя на то, что для персонажа, выступающего в роли «отца», ребенок, взятый им на воспитание, очень быстро перестает быть «чужим» и становится «своим», родным.

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

Конечно, в своих произведениях В. Гюго уделяет внимание и вопросам материнства, материнской самоотверженности. Если обратиться за примером к роману «Отверженные», то не оставит читателя равнодушным судьба Фантины, матери Козетты.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в творчестве В. Гюго достаточно много уделено внимания проблеме «отцовства». Более того, произведения В. Гюго следует использовать в целях формирования у членов современного общества правильного представления о роли «отца» как «опоры» семьи.

На наш взгляд, знакомство с творчеством В. Гюго молодежи во время обучения в ВУЗе, положительно скажется на формировании высококультурной личности. Поэтому можно предложить ввести в практику работы кураторов с курируемыми студенческими группами проведение занятий (кураторских часов), на которых будут рассматриваться литературные произведения В. Гюго.

Трудно переоценить значение произведений В. Гюго для современного общества, они многогранны и содержат много других ярких образов, которые «учат» читателя, развивают у него способность к анализу реальной действительности. Остается только порадоваться за тех, кто уже «прикоснулся» к литературному творчеству великого писателя В. Гюго, прочитав его бессмертные произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гюго, В. Собрание сочинений в шести томах / В. Гюго. – Москва: Издательство «Правда», 1988. – Т. 5. – 607 с.

3.1. Траццяк

**МАСТАЦКАЯ КАНЦЭПЦЫЯ «СВАЙГО» І «ЧУЖОГА» Ў РАМАНЕ
«ТРЫ САЛДАТЫ» ДЖ. ДОС ПАСАСА**

Чалавек спрадвеку імкнуўся змагацца з жахам, што ўзнікаў, калі ён сутыкаўся з хаосам рэальнасці. Так узнікла часам залішне спрошчанае і марнае жаданне сістэматызаваць асноўныя праявы жыцця, каб зменшыць траўматычнае ўздзеянне неспасцігальнага. Адным са старажытных з'яўляецца падзел элементаў жывой і нежывой прыроды на «свае/родныя/звыклія» і «чужыя/варожыя/незнаёмыя». Праціпастаўленне распаўсюджвалася на міжасабовыя і міжэтнічныя адносіны. Менавіта апошні выпадак у масавай свядомасці ўяўляе калейдаскоп супярэчнасцяў і стэрэатыпаў, якія «мелі выключную моц пераконвання, дзякуючы зручнасці і лёгкасці іх успрымання» [1, с. 23]. Апафеозам непаразумення (асабліва ў XX ст.) былі баявыя дзеянні розных маштабаў: ад дзвюх сусветных войнаў да лакальных узброеных канфліктаў. Паводле Л. Будаговай, ужо пад час Першай сусветнай «мяжа, што падзяліла «сваіх» і «чужых» вызначалася не нацыянальнымі, а сацыяльнымі ці маральнымі момантамі» [2, с. 19]. 1914–1918 гг. сцвердзілі, што гэта мяжа была надзвычай суб'ектыўнай і штучнай, яна мала стасавалася з рэаліямі татальнага ўзброенага супрацьстаяння і новымі прынцыпамі ўпарадкавання пасляваеннага грамадска-палітычнага жыцця.

Амерыканская проза пра Першую сусветную (у рамках дадзенага даследавання нас цікавіла літаратура 20-30-х гг. XX ст.) самабытна вырашае праблему судачынення «свайго» і «чужога». Сімптаматычна, што яна прысвячалася баявым дзеянням Старым Свеце, якія, паводле клішэ таго часу, адбываліся «недзе там» (*'over there'*). Нягледзячы на тое, што вайна не мела непасрэднага дачынення да шараговых грамадзян краіны, яна не была абсалютна «чужой», асабліва пасля атакі на Лузітанію (7 мая 1915 г.) і накіравання амерыканскага кантынгенту ў Еўропу ў красавіку 1917 г. Спрацавалі і лозунгі пра абарону дэмакратычных каштоўнасцей, і прагнае жаданне патрапіць у новы асяродак, што інтрыгаваў магчымасцю паўдзельнічаць у авантуры, бліжэй пазнаёміцца з іншымі ладамі жыцця.

Што датычыцца літаратараў, то сваё падарожжа, нягледзячы на баявыя дзеянні, яны ўспрымалі як паломніцтва да крыніцы ведаў. Так, для Дж. Дос Пасаса еўрапейская культура была прывабнай і блізкай, ён добра ведаў прынцыпы яе развіцця, цікавіўся выяўленчым мастацтвам краін Старога Свету. Э.Э. Камінгс імкнуўся ў Парыж як у мекку для кожнай адукаванай асобы. Для Э. Хемінгуэя, стомленага «амерыканскай марай», бліжэй за радзіму была як раз Еўропа. Здавалася, што на новым месцы лягчэй знайсці аднадумцаў, якія таксама змагаліся з канфармізмам, двудушам і абмежаванымі ладамі мыслення.

Калі звярнуцца да літаратурна-мастацкіх твораў, у якіх разглядалася праблема «свайго» і «чужога» (актуалізаваная падзеямі сусветнай вайны), то, на наш погляд, вартым увагі падаецца раман Дж. Дос Пасаса (*John Dos Passos*, 1896–1970) «Тры салдаты» (*«Three Soldiers»*, 1921) [3]. Паводле Я. Засурскага, пісьменнік, як і іншыя мастакі слова, што звярталіся да матыву «страчанасці», «адмовіўся ад апісальнасці і адышоў ад аўтарскай мовы, імкнучыся характарызаваць сваіх герояў праз іх мову, стыль мыслення і